

Рис. 132. Короткий хитон и гиматий

Рис. 133. Женский хитон

Самым блестящим представителем сикионцев можно назвать придворного живописца Александра Великого Апеллеса, который, соединяя многие достоинства, сумел превзойти ионийскую школу. «Ни одного дня без черты!» — говорил он и, руководствуясь этим правилом, оттачивал мастерство рисунка. Ему было присуще чувство меры: он никогда не записывал картин. «Протоген и я, — говорил он о своем знаменитом родосском современнике, — оба хорошие художники, и он, может быть, был бы выше меня, если б умел вовремя остановиться».

Качество их рисунка достигало необыкновенных высот. Однажды Апеллес приехал на Родос к Протогену. Не застав его дома, он не назвал своего имени, а только набросал на доске контур фигуры. По возвращении домой Протоген сразу узнал гениальную руку гостя, с которым лично знаком не был. Пораженный красотой наброска, он нашел новые возможности в его контурах. Апеллес, снова не застав его и увидев новый набросок, сделал третий эскиз, перед которым Протоген преклонился. Этот эскиз изумлял современников. Перевезенный в Рим, он погиб при Августе во время пожара во дворце.

Грация рисунка Апеллеса превосходила все созданное до тех пор. Поэтому его картина, изображавшая Афродиту и Граций, особенно славилась в Элладе. Молодое, энергичное лицо Александра тоже удавалось Апеллесу, и только он один получил право писать его портреты. Художник идеализировал в великом завоевателе мощь и силу, вкладывая ему в руку молнии Зевса. Александр к нему горячо привязался. Апеллес был влюблен в Кампаспу, одну из наложниц Александра, и, несмотря на ее слезы, Александр отдал ее художнику. Результатом этого подарка явилась знаменитая картина «Венера Анадиомена», т. е. выходящая из волн.

Апеллес строго придерживался правды, и, как известно, однажды переписал ко-

турну, когда сапожник обратил его внимание на неверное расположение ремней. Автор нескольких трактатов о живописи, Апеллес также был изобретателем превосходного лака, с помощью которого картины можно было сохранять в течение веков.

До нас не дошли картины эллинских мастеров, кроме кое-каких фресок да расписных ваз (рис. 129). Однако писатели древности свидетельствовали, что картинами восхищались целые города, жители которых обладали тонким вкусом и были воспитаны на превосходной скульптуре. В последний период живописцы писали по преимуществу энкаустикой, то есть восковыми красками. Они отличались от масляных тем, что не имели отблеска. По тем портретам эллинского письма, которые найдены при раскопках египетских захоронений, можно судить о том, как хороши были портреты, написанные первыми мастерами (рис. 131). Образцом пейзажной живописи может служить копия с картины, изображающая Одиссея в Аиде.

Ясное и чистое воплощение художественной идеи часто опосредовалось у греков аллегориями, как, например, в картине Апеллеса «Клевета». На троне сидит властитель с ослиными ушами; перед ним — юноша, которого тащит за волосы Клевета вместе с Незнанием и Подозрением. Впереди идет Зависть, истощенная, бледная, с злобным взглядом, сзади — Раскаяние, в слезах и трауре.

Перед произведениями великих мастеров благоговели. Когда Деметрий Полиоркет осадил Родос и ему пришлось брать город с той стороны, где помещалась мастерская Протогена с его знаменитой картиной «Охотник с собакой», то он отказался от осады. Говорят, что в память об этом родосцы продали оставшиеся стенобитные орудия и на полученные деньги установили чудовищную статую Колосса Родосского.

Грекам не чужды были и легкие жанровые вещи. Пирейкус превосходно писал цирюльни, чеботарни, рыночные сцены с ослами и телегами: его картины оценивались в огромные суммы. Жанровые сцены писались иногда на картинах маленького формата. Работы Калликлеса имели всего сантиметров пятнадцать в высоту, однако не уступали по популярности большим композициям. Известно,

Рис. 134. Гимнастический костюм спартанской девушки

что в Элладе многие отдавали предпочтение мозаике, прошедшей путь эволюции от простых наборных узоров пола в сложные мифологические сюжеты. В Сиракузах у Гиерона II был корабль, украшенный мозаичными сценами из «Илиады» работы пергамца Соза.

* * *

Детали греческого костюма можно восстановить по описаниям, статуям и керамическим рисункам. Он мало изменился со времен Гомера до позднейших времен. Азиатская роскошь сменила первоначальную простоту только после века Перикла.

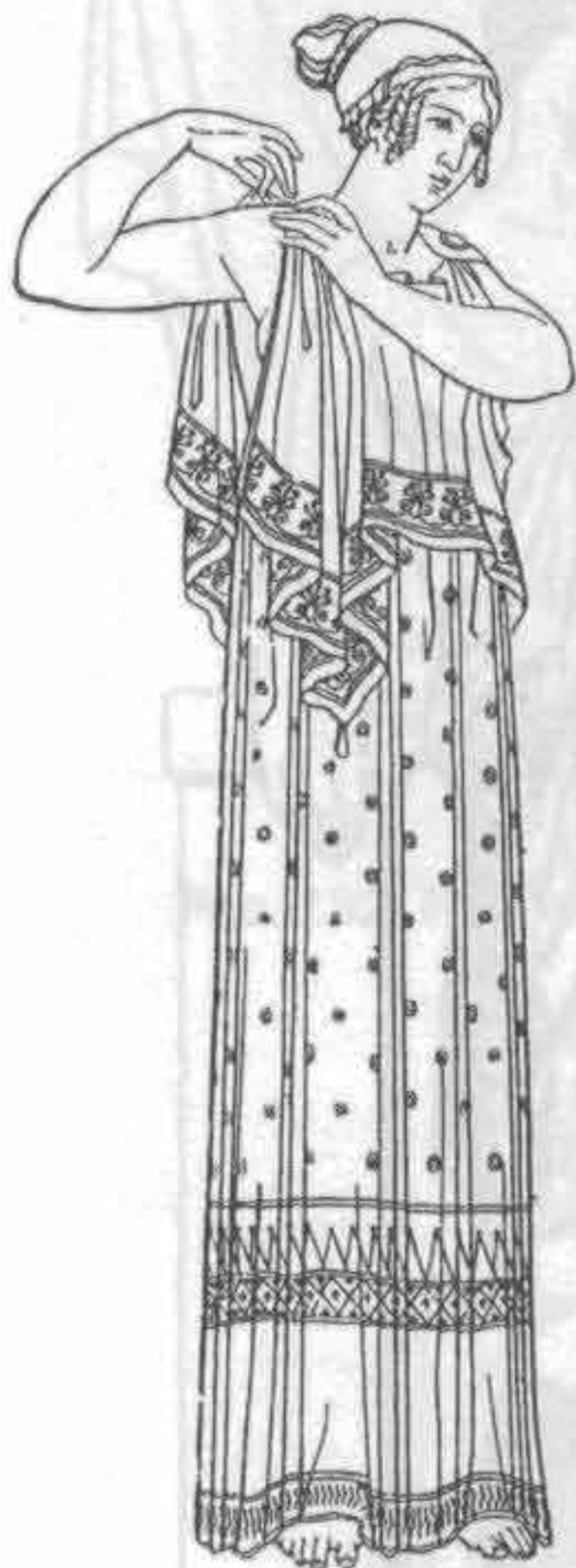

Рис. 135. Двойной женский хитон

Вся одежда грека состояла из двух прямоугольных кусков материи, а костюм составлялся искусным сочетанием складок. Нижняя одежда — рубаха, верхняя — плащ. Их изготавливали из превосходной аттической шерсти или из льна и носили в соответствии с временами года. Пестрые персидские материи, финикийские пурпурные и шелковые ткани считались уже роскошью. Белый цвет греки предпочитали всем прочим, украшая одежду по подолу каймой с хитрым орнаментом.

Отличительные свойства характера ионийцев и спартанцев сказывались и в их костюме. Спартанцы слишком просто смотрели на человеческое тело. Если ионийцы долго не решались изображать женщину совершенно обнаженной, то в Спарте считалось возможным собирать в гимназиях мальчиков и девочек совершенно нагими. Они считали излишним красить материю и пользовались ею в таком виде, в каком она выходила с ткацкого станка. Мужчина довольствовался плащом-гиматием, которым запахивали спину через левое плечо и, пропустив под правой подмышкой, чтобы сделать свободным движение правой руки, закрепляли свободный конец на левом плече.

Мужская рубаха, хитон, представляла собой такой же кусок материи, согнутый пополам, с прорезью на сгибе для руки и сшитый на противоположной стороне с прорезью для другой руки. Сверху хитон прихватывали пряжкой, а на талии стягивали поясом. Рукавов у хитона почти никогда не было, и, в отличие от восточного аналога, он едва доходил до колен. Впоследствии спартанцы позаимствовали у афинян

хламиду — короткий плащ, который использовали потом и кельты, и германцы. Его носили во время походов и на праздниках молодые люди (рис. 132).

Если гиматий был мужской одеждой, то женщины носили хитон, доходивший до пят (рис. 133). Женская кокетливость сумела одним расположением складок сделать из этого простого куска ткани удивительно красивую одежду. Такие хитоны обычно носили с откидным верхом или с выпуском широкой и свободной передней части, лежавшей богатыми складками.

Девушки носили более короткие хитоны. Во время занятий гимнастикой и борьбой они спускали одеяние с одного плеча и отворачивали снизу настолько, что подол оказывался значительно выше колена. Такой костюм очень шел стройным гречанкам (рис. 134).

Рис. 136. Праздничная одежда гречанки

Афинянин, более склонный к тонкой красоте, предпочитал длинную восточную одежду и, удлинив плащ до шлейфа, вынужден был заботиться о красивом расположении складок. Изучение этих складок ввели в программу гимназия. Ради большей красоты и удобства в углы одежды придумали вшивать гирьки, иногда замаскированные кистями. Оттягивая складки вниз, гирьки заставляли материю обрисовывать форму более отчетливо. Дорожные плащи были, конечно, несравненно короче и удобнее.

Афинянки тоже щеголяли в хитонах, но настолько длинных, что им приходилось надевать уже не один, а два пояса. Одежду подпоясывали самыми разнообразными способами, то выпуская складки с боков, то делая фальшивые рукава (рис. 138). Расшитые края выпусков превратили верхнюю часть хитона в безрукавку, надетую на юбку. Цвет хитонов мог быть желтым, коричневым, пурпурным, голубым, зеленым и красным, но чаще — белым. Иногда гиматион одного цвета совмещали с хитоном другого. Украшения каймой всегда были умеренными (рис. 135, 136).

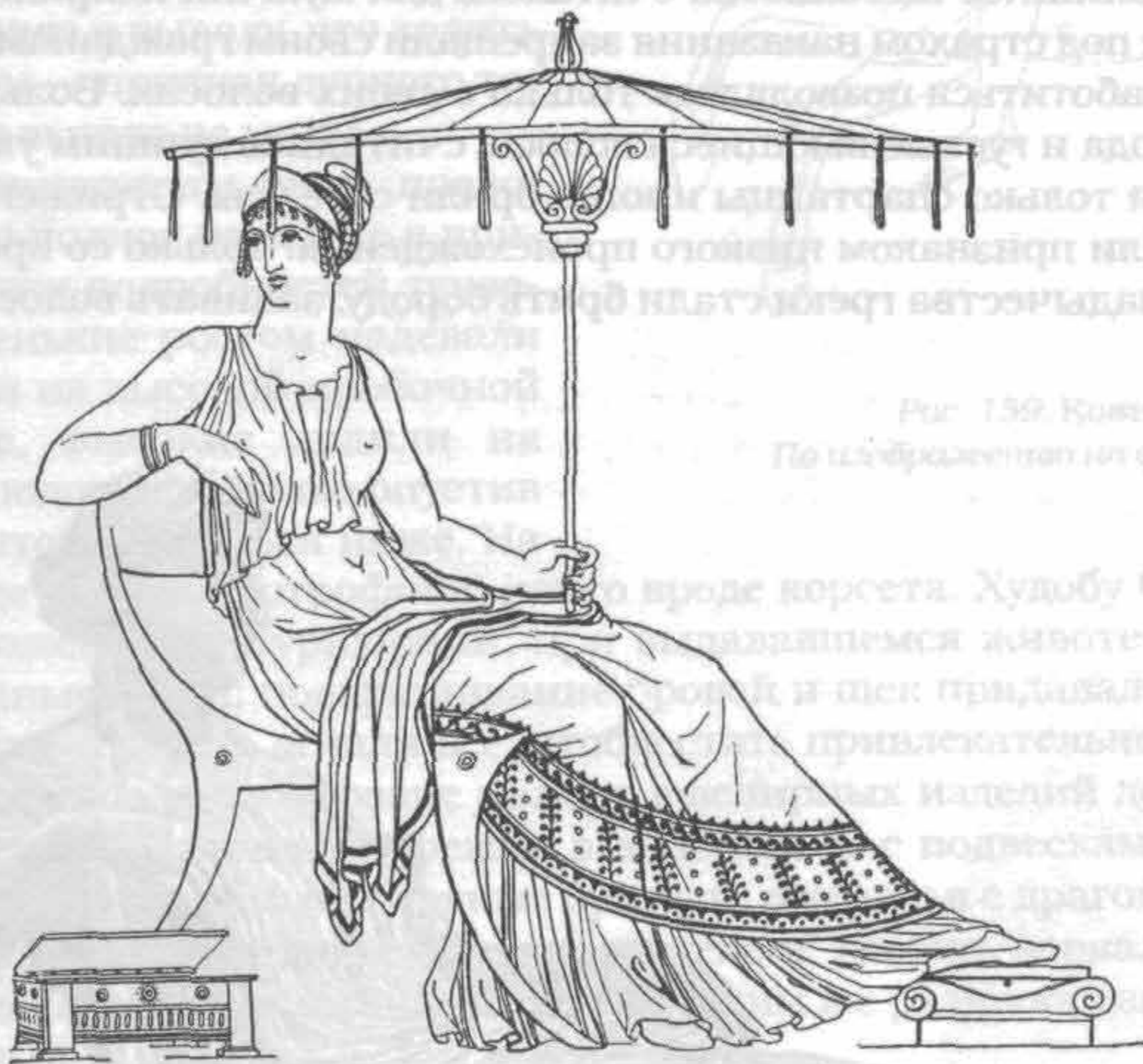

Рис. 137. Гречанка под восточным зонтиком

Головной убор греки надевали только в дождь или на солнце; в тени — в садах академии и в портиках — шляп не надевали. Тем не менее мужские головные уборы были в Греции очень разнообразны: шляпы войлочные, широкополые, с мягкими, то завернутыми кверху, то опущенными вниз полями. Иногда шляпы, которые носили больные, напоминали монашескую скуфью. Греки носили также шляпы, похожие на гриб с остроконечной верхушкой. Их плели иногда из соломы, иногда красили. Солдаты, охотники и путешественники носили узкополюе шляпы петас. Женщины носили сетки, обручи, покрывала и колпаки. Замужние женщины прикрепляли к косе прозрачное покрывало. От солнца они закрывались обыкновенно зонтиками, очень изящными, складными, чисто восточной формы (рис. 137).

Обувь греки начинали носить, как только достигали совершеннолетия. Мальчики и девочки ходили босиком, а вот взрослые, выходя из дома, надевали сапоги. Первоначально это были восточные сандалии, т. е. простые подошвы, подвязанные к ступне ремнями. Постепенно совершенствуясь и закрывая краями лодыжки, сандалия превратилась в открытый башмак, а затем в высокий полусапог со шнуровкой, который надевали поверх чулка.

Охотники, путешественники и ремесленники носили высокую обувь, подбитую гвоздями. Как ни странно, но самым модным, изящным сапогом был спартанский, и его ценили наряду с превосходной малоазийской обувью. Дамы относились к обуви еще внимательнее и надевали цветные башмачки с металлическими украшениями.

Всякое излишнее щегольство считалось для мужчин неприличным. Лакедемоняне под страхом наказания запрещали своим гражданам носить украшения. Заботиться позволялось только о своих волосах. Большая, окладистая борода и густые вьющиеся волосы считались лучшим украшением мужчины, и только спартанцы иногда брили себе усы. Стриженные волосы издавна были признаком низкого происхождения. Только со времен македонского владычества греки стали брить бороду, завивать волосы в мелкие

Рис. 138. Сидящая гречанка

кудри или стричь их почти под гребенку. Единственная драгоценная вещь, которую мог позволить себе мужчина, были перстни. В Спарте носили железные перстни, главным назначением которых было служить печатями. Спартанцы носили простые трости и дорожные посохи, афиняне — такие же трости, но с отделанными набалдашниками. Впоследствии афинская аристократия пришла к выводу, что ходить с посохом — признак дурного тона, и это вышло из моды.

Зато женщинам было предоставлено полное раздолье в придумывании подробностей туалета. Низенькие ростом надевали башмаки на высокой пробочной подошве, высокие ходили на тонких подошвах, низко опустив голову, чтобы казаться ниже. На туловище надевали строфион, нечто вроде корсета. Худобу бедер скрывали подложенными турнюрами; при выдававшемся животе надевали искусственные груди; подкрашивание бровей и щек придавало лицу желаемый цвет — словом, делали все, чтобы стать привлекательнее.

Бесконечное разнообразие мелких ювелирных изделий дополняло туалет гречанок. Изящные сережки в виде капли с подвесками из жемчуга и золота, превосходные головные булавки, ожерелья с драгоценными камнями, браслеты, головные обручи, застежки, гребни, зеркала, опахала — все это делало туалет женщины почти таким же разнообразным, как и современный.

Рис. 139. Конный эллин.

По изображению на фризе Парфенона

Рис. 140. Пир в доме богатого эллина. Изображение с аттической вазы

Рис. 141. Свадебное шествие. Изображение с аттической вазы

* * *

Ребенок-эллин рос окруженный игрушками, обвешанный амулетами от сглаза и полуодетый: у спартанцев — в маленькую хламиду, у афинян — в рубаху и сандалии. На пятом году жизни афинскую девочку посвящали Артемиде; одетая в оранжевое платье, она становилась обитательницей гинекея — женской половины дома. В Спарте мальчиков приучали к физическим страданиям, поэтому их поход к алтарю Артемиды сопровождался немилосердным бичеванием.

В Спарте мальчики и девочки воспитывались вместе. В Афинах женское общество существовало только для женатых. В восемнадцать лет афинянин считался совершеннолетним: он надевал общегражданский костюм, стриг волосы и становился участником пирушек, любимейшего из афинских развлечений.

Стремление к красоте сказалось у греков даже в манере есть и пить. Увенчанные миртом, фиалками, розами, омытые духами, полураздетые, лежа на покатом диване, они пили вино, растворив его «водой трезвой». Флейтистки, танцовщицы, гетеры в душистых венках восполняли недостаток женского общества. Спартанцы презирали эти оргии и, сходясь на скудный общественный обед, в котором принимали участие все граждане, никогда не затягивали его на несколько часов.

Совместное воспитание обоих полов обусловило в Спарте и ранние браки. По старинному обычаю жених потихоньку выкрадывал невесту, впрочем, с согласия девушки и родителей. Спрятав ее у своих знакомых, он тайком навещал ее, остриженную и одетую в мужское

Рис. 142. Омфал («Пуп Земли») в Дельфийском храме

платье. Когда он снимал с нее пояс, символ девственности, она становилась его женой, но вступала в дом мужа не сразу.

Афиняне справляли свадьбы торжественно. На обручении приносились жертвы царю богов Зевсу и его супруге: невесте отрезали один локон, посвящая его божеству. Перед свадьбой устраивалось омовение в бане и пирушки — девичник и мальчишник. На свадебный пир жених и невеста являлись в роскошных платьях (рис. 140, 141). По окончании еды жених сажал невесту на повозку между собой и дружкой, зажигались факелы, и поезд с пением и флейтами двигался по городу. Дышло повозки потом торжественно сжигали. Молодые визитов не делали, но сами принимали родственников, которые приходили к ним, сопровождаемые мальчиком с факелом и девочками с подарками в корзинке.

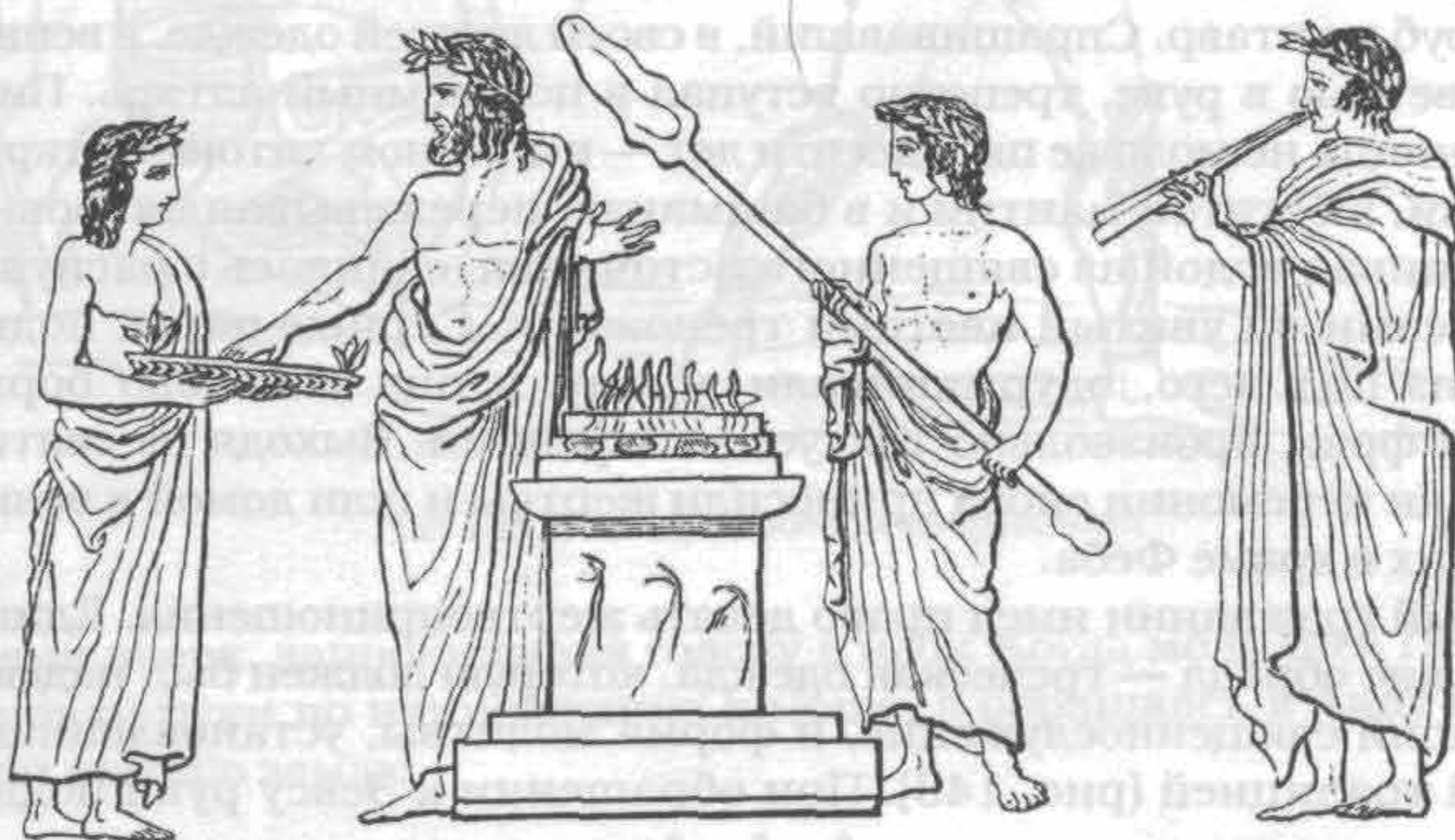

Рис. 143. Бескровная жертва. Изображение с аттической вазы

Суровая строгость спартанской обрядности больше соответствовала похоронам. Афинский обычай нанимать плакальщиц, которые причитали рядом с умершим, когда он еще лежал дома, и нести его с пением, музыкой и факелами до могилы не прижился у лакедемонян. Они просто заворачивали покойного в кусок пурпурной ткани и усыпали его цветами и лавровыми листьями. На похоронах присутствовали только ближайшие родственники и друзья, которые в знак траура остригали себе волосы, осыпали голову пеплом и надевали траур.

В свободной Греции, где кастовых различий не существовало, костюм не имел определенных ограничений, как на Востоке. Жрецы в Элладе были только государственными чиновниками, отправлявшими службу и регламентирующими порядок жертвоприношений. Каждому гражданину давалась возможность иметь собственные представления о богах и жертвоприношениях. Требовалось безусловное благочестие по отношению к главе Олимпа Зевсу, и вера в него была, конечно, искренней. Жрецы пользова-

лись в народе уважением, а избирательная система возводила в это звание людей безупречной нравственности и внешности. Жрец даже по внешнему облику должен был напоминать божество. В общественных собраниях и театрах они имели право занимать первые места. Если впоследствии духовенство постаралось изолировать себя от суеты и мира, то в Греции, наоборот, жрец был представителем гражданственности.

Жрецы ходили в широкой цветной, иногда пурпурной одежде, в венке и повязке особенной формы. Иногда при богослужении они переодевались в женские костюмы и даже надевали на себя маски, как, например, при совершении элевсинских мистерий. Храмовая прислуга, от которой требовалась только безупречная внешность, была свободнее в выборе одежды.

Таинственной торжественностью отличались предсказания Дельфийского оракула (рис. 142). Доступу в святая святых предшествовало множество жертв и омовений. Жрецы кропили допускаемых священной водой под звуки труб и литавр. Спрашивавший, в своей лучшей одежде, в венке, с лавровой ветвью в руке, трепетно вступал в полутемный алтарь. Пифия — девственница не моложе пятидесяти лет — в длинном хитоне с открытыми рукавами, в богатой мантии и в башмаках, пережевывая лавровые листья и запивая водой из священного источника, садилась с распущенными волосами на увитый цветами треножник. Серные пары, поднимавшиеся из-под него, одурманивали жрицу, и она неистово бормотала обрывки фраз, произвольно толкуемых жрецами. Выходя из святилища, участники церемонии снова приносили жертвы и шли домой в венках, где вешали их в храме Феба.

Каждый гражданин имел право делать жертвоприношения. Единственное условие обряда — греческая одежда, которую должен был надевать совершавший священнослужение, и форма молитвы, установленная религиозной традицией (рис. 143). При обращении к Зевсу руки поднимали

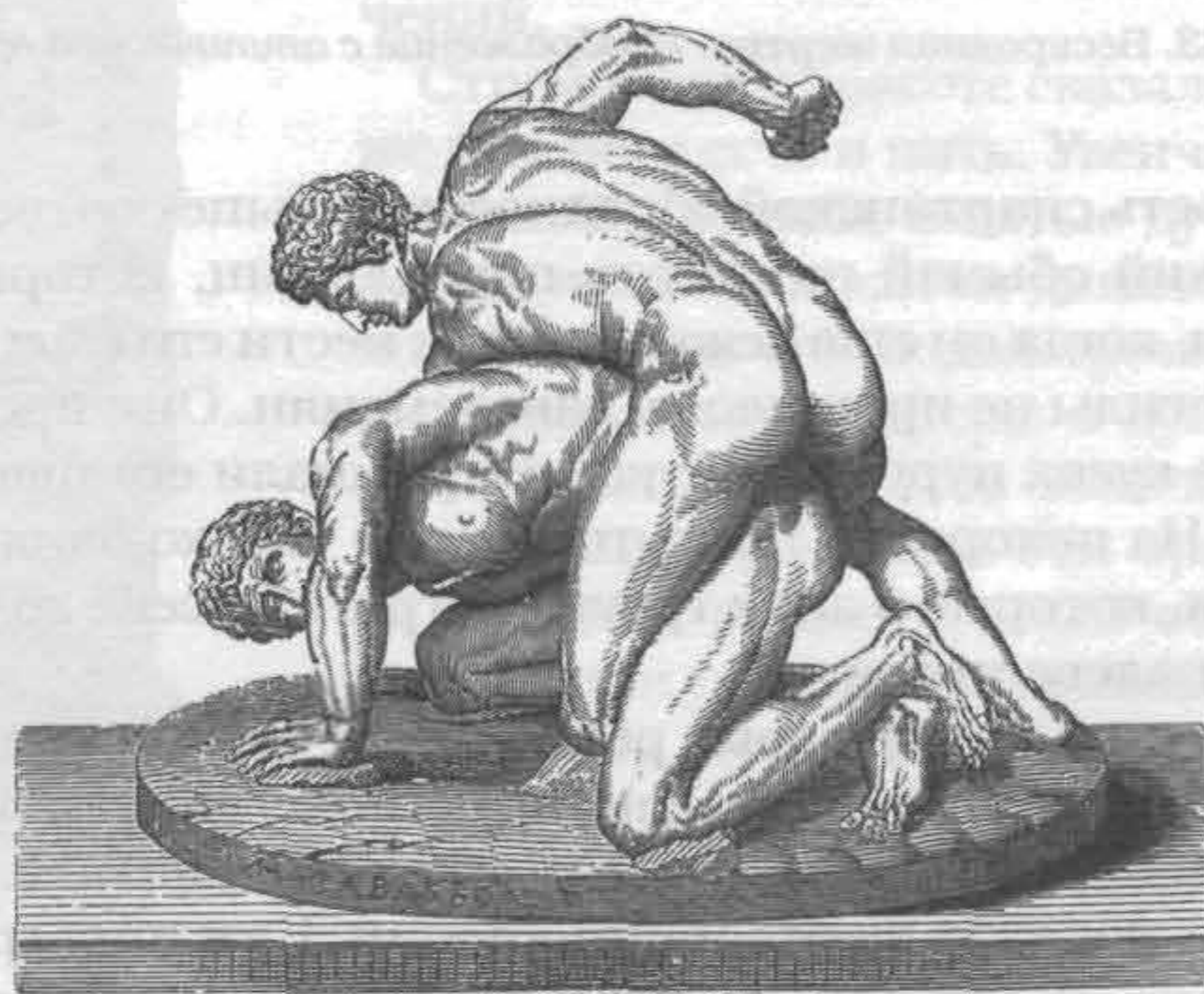

Рис. 144. Борцы

Рис. 145. Эллины в боевом вооружении

ладонями вверх, запрокидывая голову к небу. Когда молились Посейдону, простирали руки по направлению к морю, а обращаясь к Аиду и Гекате, ударяли ногой о землю.

* * *

Наибольшим великолепием в Древней Греции блистали торжества, посвященные общественным играм. Ко дню игр вся Греция собиралась в назначенное место. Ехали представители провинций на пышных колесницах, в роскошной одежде. Все были в праздничной одежде и без оружия — настолько священными были игры. Все междоусобицы прекращались, и внимание сосредоточивалось на состязаниях. Олимпийские, Немейские, Пифийские, Истмийские игры собирали воинов-атлетов, искусных в рукопашной борьбе.

Главные и самые знаменитые игры — Олимпийские. Олимпия — это не город и не урочище, а долина Элиды, у южного склона Олимпа возле холма Кронида (рис. 148). До сих пор видны развалины храма Зевса, где стояла статуя Зевса работы Фидия. Желавший принять участие в Олимпийских играх заранее записывался у выборного элланодика в Элиде с точным указанием своего общественного положения и того вида спорта, в котором он желал участвовать. Получив приглашение явиться лично, он в течение месяца подвергался разнообразным испытаниям.

После того как экзамен был выдержан, будущий состязатель приносил клятву перед статуей Зевса, что он удовлетворяет всем требованиям: явля-

ется чистокровным греком, родившимся от свободных родителей, и никогда не был под судом. Кроме того, он присягал в том, что не будет во время состязания прибегать к каким-либо уловкам для победы над товарищами.

Уже во время подготовительных испытаний, длившихся несколько месяцев, Элладой овладевало всеобщее возбуждение. Города выбирали делегатов для официального представительства на играх, снаряжали парусные суда, готовили пышные палатки. Небогатые люди, чтобы попасть на празднество, закладывали ростовщикам свои земли и рабочий скот. Дорога к Олимпу пестрела колесницами, носилками, верховыми всадниками (рис. 139) и пешеходами.

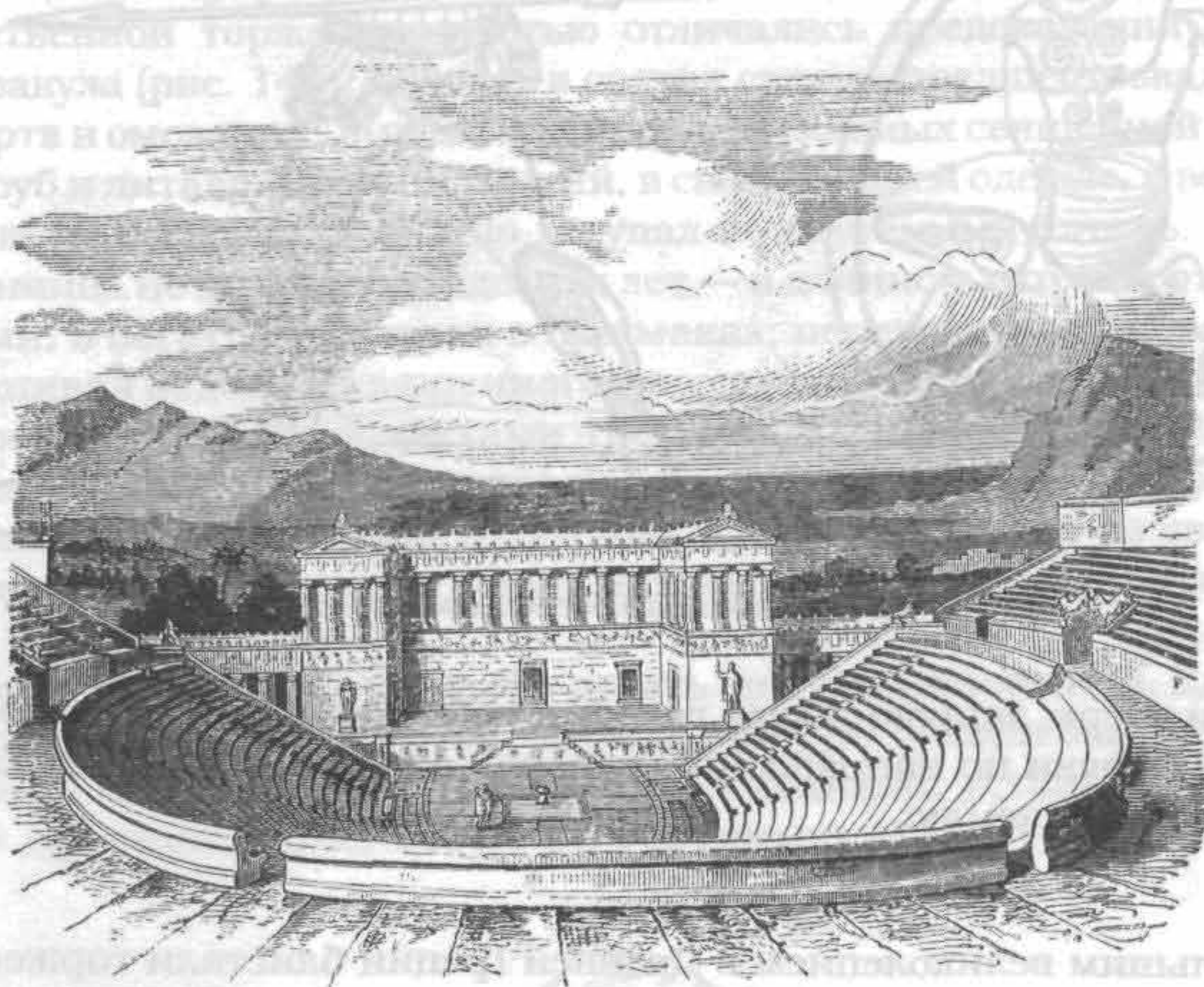

Рис. 146. Театр в Сегесте. Реконструкция

Даже рабы имели право присутствовать на играх, зато женщин допускали туда с большими ограничениями. Только Спарта позволяла безусловно их присутствие. Афины воспрещали женщинам смотреть на игры, а некоторые города наказывали смертью всякую женщину, перешедшую границу места игр. Только жрица Деметры занимала почетное место среди зрителей, подобно весталке в Риме.

Так как прокормить огромное количество народа, стекавшегося на игры, было нелегко и местных гостиниц не хватало, неподалеку от места состязаний ставили временные палатки, где раскладывали постели. Бродячие торговцы за небольшую плату снабжали продуктами гостей победнее; зажиточные люди привозили палатки и съестные припасы с собой. Приехавшие сами распределялись по интересам: поэты читали свои поэмы, драматурги — трагедии, музыканты играли новые произведения. Здесь же решали государственные вопросы и заключали союзы.

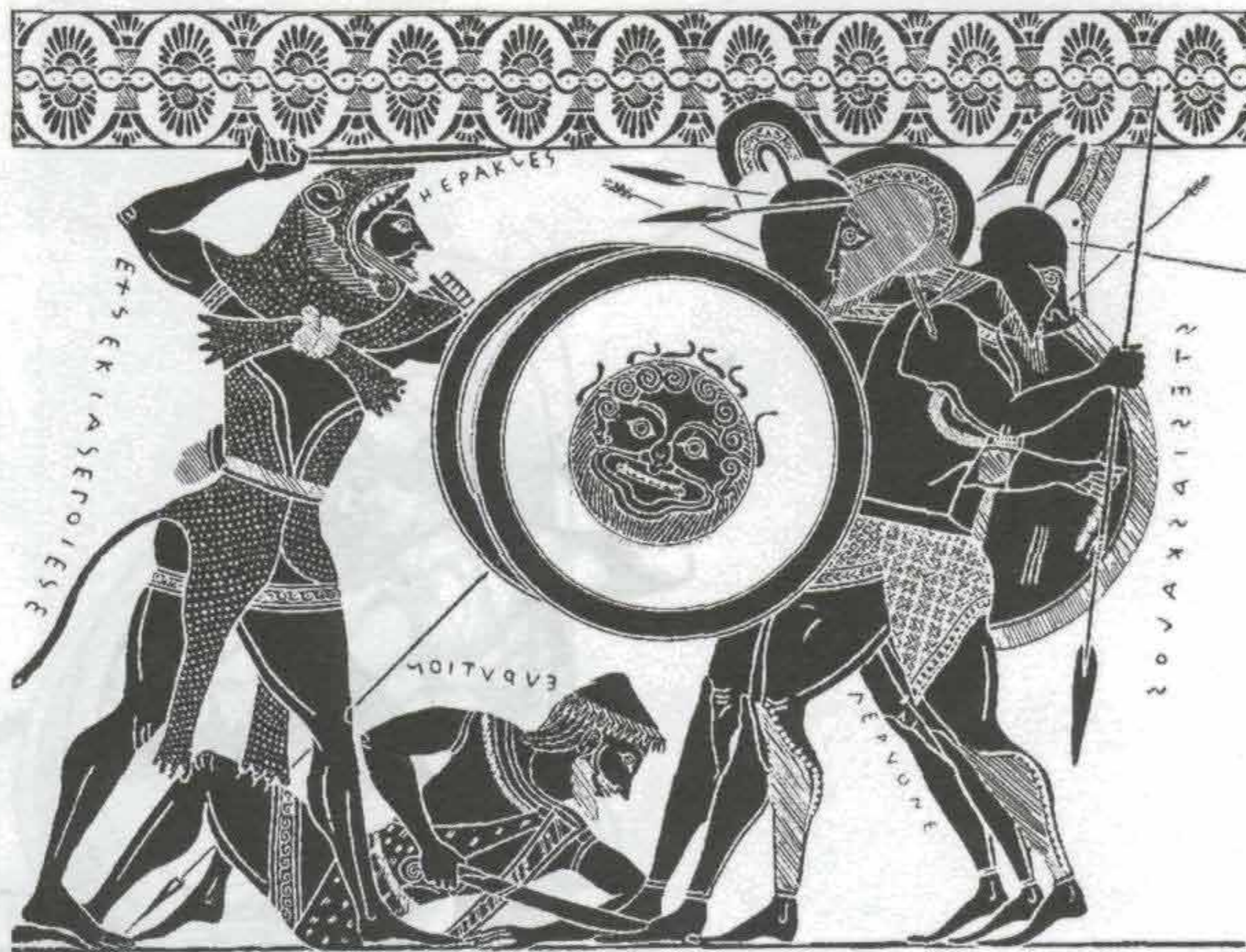

Рис. 147. Греческое вооружение. С аттической вазы

Программа игр выглядела так. Первый день посвящался бегу по стадиону — продолговатой арене, окруженной амфитеатром. Бегуны выходили на арену из подземелья, чтобы не проходить через зрителей. Бег был самой знаменитой частью игр. В честь победителя в этом состязании называли следующее четырехлетие, например: олимпиада афинянина Калликса, олимпиада коринфянина Диагора и т. д. Перед забегом имена соревнующихся громко провозглашали с арены, чтобы дать зрителям возможность «возразить против происхождения или образа жизни состязающихся». Бег зачастую продолжался больше часа и иногда заканчивался смертью кого-либо из участников. Обычно бегуны выступали совершенно нагими, но иногда соревнования проводили в полном вооружении.

Затем начиналось единоборство. В этой борьбе нередко участвовали представители высшей аристократии. Тела борцов намазывали маслом и посыпали песком. Сохранилось превосходное флорентийское изображение группы таких борцов, где один из юношей спрашивает своего врага, считает ли тот себя побежденным. И борьба иногда заканчивалась смертью одного из участников поединка (рис. 144).

После единоборства наступала очередь кулачного боя. Эта жестокая драка мало походила на бокс. На руки бойцов надевали нечто вроде кастетов, и лица состязавшихся всегда были покрыты шрамами. Выбитые во время боя зубы было принято глотать, так как выплевывать их на арену считалось неприличным.

На ипподроме состязались упряжки и лошади. Самым трудным было выполнить поворот — именно здесь зачастую и происходили катастрофы.

Победителя увенчивали венком со священной оливы в роще Зевса. Ветки срезал мальчик золотым серпом. Имя победителя выкрикивали глашатаи, ему воздвигали мраморную статую. Иногда победитель получал пенсию или жил на общественный счет в своем городе.

Некоторые игры предполагали участие исключительно женщин. Таковы были Гереи — празднества в честь Геры, устраиваемые в Элиде через каждые пять лет. На соревнования выходили только девушки в коротких хитонах. Победительница получала масличную ветвь и имела право выставить свою статую.

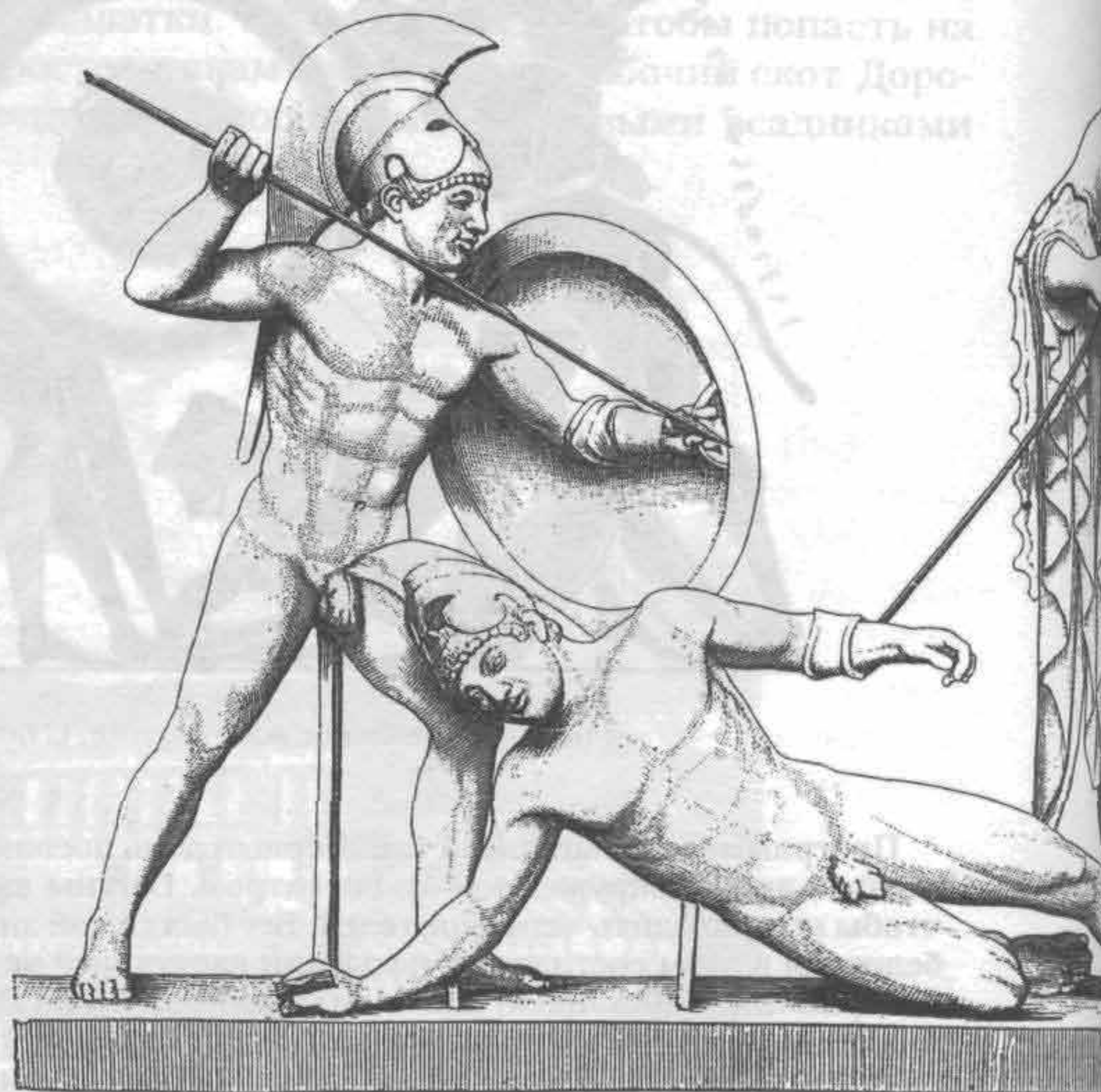
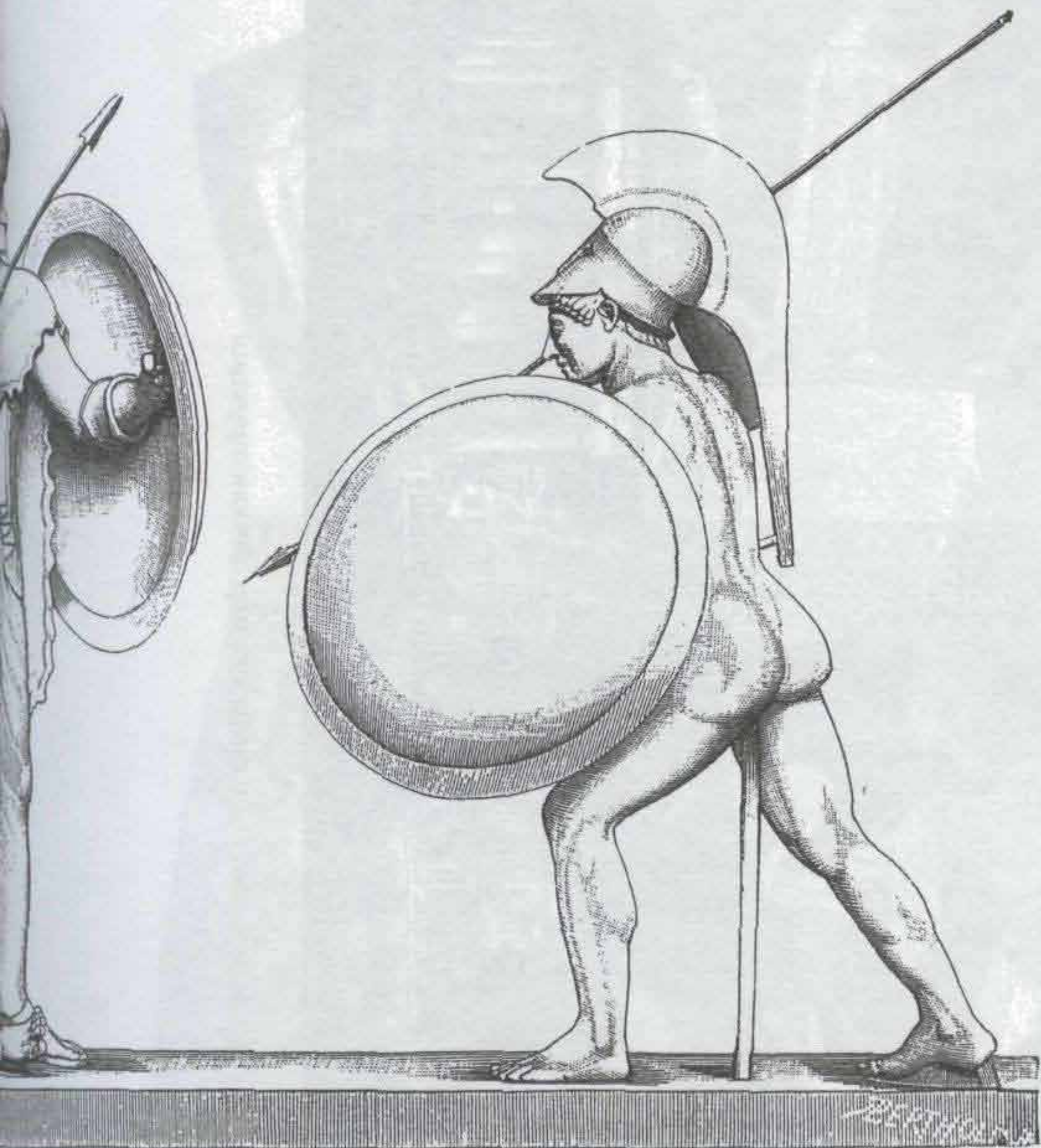

Рис. 103. Средняя группа за

Женщины принимали участие также в празднествах больших и малых Панафиней, которые проходили в Афинах каждые три года. Впрочем, в торжестве в честь покровительницы города обычно принимали участие все, не исключая детей. Вслед за бесконечной вереницей хоров везли на катках лодку с желтой одеждой богини, сотканной свободными афинскими девушками. Девушки шли тут же, с корзинами и дарами на головах, а сзади — рабыни с зонтиками, жертвенниками и стульями. Воины шли в блестящем вооружении, старцы — с оливами в руках, ремесленники — под предводительством выборных. После возложения одежды в храме участники отправлялись на состязание: они скакали, боролись и пели. Наградой победителю был глиняный сосуд со священным маслом.

Торжественные обряды с пением кантов, ответными песнями хоров, костюмами и масками, соответствующими изображаемому лицам, послужили началом мистерий, а следовательно, — драматических представлений.

Фронтон храма Афины в Эгине

Со времен Эсхила появились маски, заменявшие современный грим. Комедия и трагедия, выведенные на сцену, требовали портретных масок, которые позднее были запрещены. Чтобы случайным сходством не напомнить какого-нибудь высокого сановника, маски стали изготавливать с безобразно искривленным ртом. Огромная шевелюра парика делала голову несоразмерной, и потому актеру приходилось прибегать к высоким котурнам для увеличения роста и к подкладыванию под костюм подушек.

Сначала театры были переносными. Только при Перикле появился первый каменный театр, послуживший прототипом дальнейших построек такого рода (рис. 146). На помощь строителям пришла сама природа. Для амфитеатра выбирали обычно террасовидную площадь. Подровняв и вырубив уступы для сиденья, внизу, в центре круга, устраивали места для хора, а позади него ставили сцену. Сиденья обычно облицовывали мрамором,

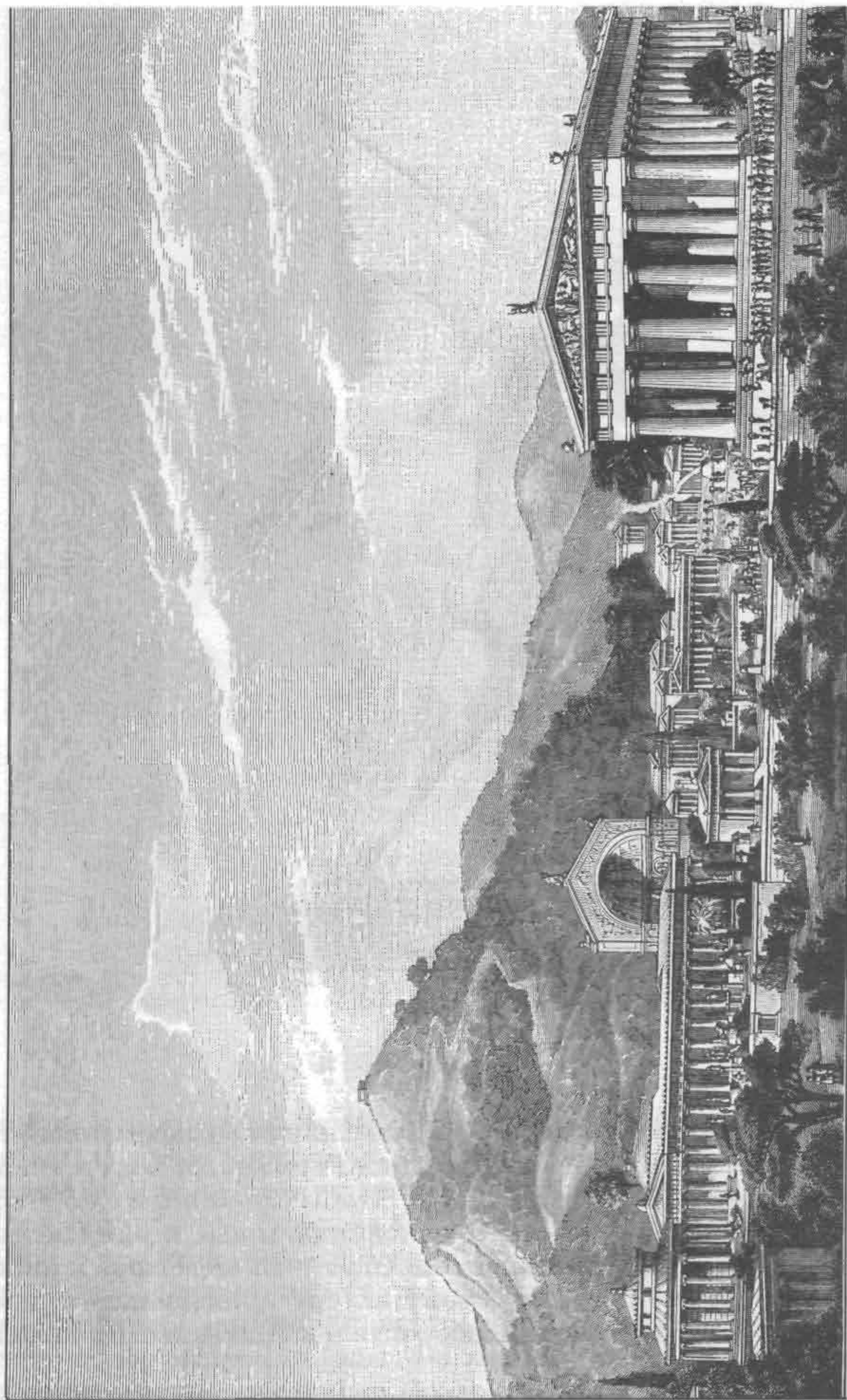

Рис. 148. Место проведения Олимпийских игр. Реконструкция

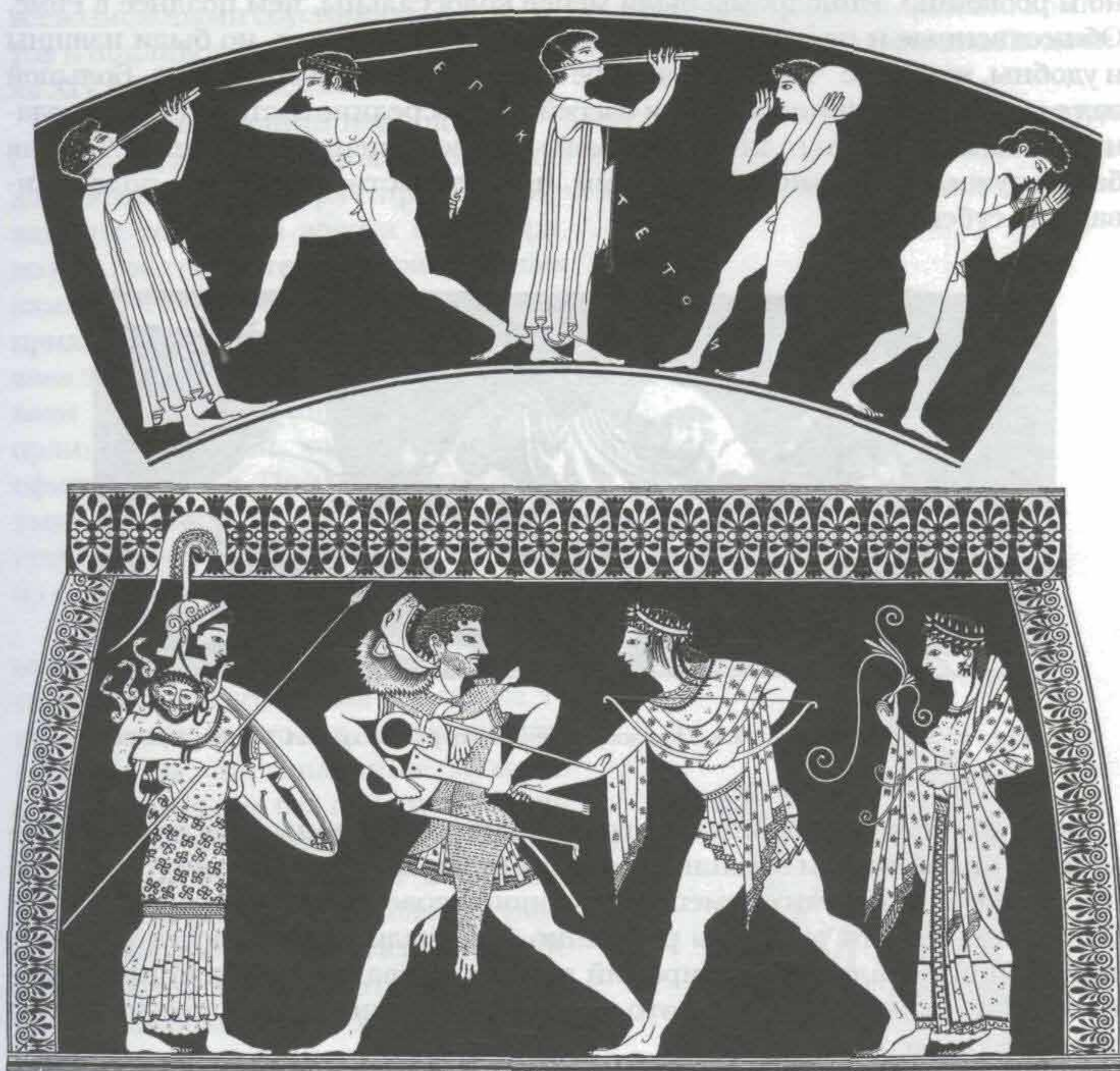

Рис. 149. Музыканты. Изображения на аттических вазах

а верхний ярус увенчивала колоннада. Места были нумерованными, чтобы избежать тесноты и беспорядка. Хор вмещал алтарь Диониса.

Сцена представляла собой небольшую площадку и была устроена более целесообразно, чем через две тысячи лет при английской королеве Елизавете. При Шекспире, как известно, декораций не существовало, а ставился столб с надписью: «Франция, море, степь». Остальное зрителю приходилось воображать самостоятельно. Греки изобрели «периакты» — трехгранные вращающиеся призмы, каждая сторона которых являлась определенной декорацией. Зрители видели только одну грань стоящих по бокам призм. В антракте легкий поворот на оси превращал лагерь в лес или город.

Концертные залы, или одеоны, представляли собой круглое здание с зонтикообразной крышей и круглой эстрадой посередине. Стадии — помещения для бега и борьбы, ипподромы — место для скачек, устраивались пыш-

но и роскошно. Ипподромы были менее колоссальны, чем позднее в Риме. Общественные и частные бани тоже уступали римским, но были изящны и удобны, как и все, что несло на себе отпечаток эллинского вкуса. Большой зал с куполом, верхним светом и бассейном посередине составлял центр здания, с боков располагались раздевальни и помещения для душей. Так как бани служили гигиеническим целям, правительство, вероятно, поддерживало их субсидиями.

Рис. 150. Битва кентавров. По изображению на фризе храма Тесея в Афинах

Особое внимание обращалось греками на гимнасионы. Под их наружными портиками гуляли афиняне, в нишах риторы читали лекции своим ученикам, а во внутренних помещениях юноши совершенствовались в борьбе. Гимнасионы были устроены роскошно. Там были палестры для упражнений в борьбе, залы для натираний песком, одевания, раздевания, холодных ванн, теплых бань. Все это обносилось перистилем и имело внушительные размеры.

* * *

Тонкий вкус греков отразился на их домашней утвари и предметах роскоши. Заимствовав с Востока форму сосуда, они впоследствии развили ее в греческую вазу с изображениями отдельных фигур и сложных мифологических сюжетов (рис. 149). Использование восточных и египетских образцов объясняется, вероятно, отвращением грека к ремеслу как низшей ступени искусства. В Спарте Ликург запретил какие бы то ни было ремесленные занятия. Свободный дух афинян, наоборот, радушно принял иностранных мастеров и дал им все гражданские права. Постепенно греки освобождались от заимствованных форм и переходили к созданию оригинальных изделий. Формы греческих ваз V в. до н. э. могут служить этому образцом (рис. 151). Их треножки также идеальны по чистоте рисунка (рис. 152).

Но и самые простые, обыденные вещи отличались в Элладе поразительной красотой: повседневные глиняные кувшины, гидрии, пифои, амфоры. Что же касается кухонных котлов, ведер, умывальников, сифонов, мисок, плосек и всякой кухонной утвари, то, судя по раскопкам Помпеи, все это

было намного изящнее, чем в настоящее время. Столовая сервировка со всевозможными соусниками и подставками для мяса, рыбы, зелени, компотов и подливок была настолько красива, что никакая обстановка Людовика XIV с ней не сравнится.

Роскошь в поздний период была такой, что огромные кратеры, сосуды с ручками, в которых подавали вино, смешанное со снегом или ледяной водой, делали из серебра с прекрасной чеканкой. Кубки для питья изготавливали не только из золота и серебра, но и из цветного стекла и драгоценных камней. Кубкам греческие мастера придавали разнообразные формы: взяв за основу турий рог, они заканчивали их днища с внешней стороны орлиной головой, овечьей мордой, сфинксом и т. д. При обработке золотых корзин для фруктов и цветов мастера искусно подражали плетению из соломы и тростника.

Дорогая мебель, которой афиняне наполняли свои дома, была тоже восточного происхождения и похожа то на египетскую, то на ассирийскую. Спартанцы, заставлявшие мужчин спать на камыше без подушек, конечно, не способствовали развитию мебельного искусства. Зато в Афинах и колониях роскошные ложи, стулья, столы были обычным явлением. За 30 драхм можно было купить превосходный бронзовый стол с изображением сатиров и звериными головами. Кресла и стулья имели мягкие подушки или покрывались шкурами. Столы были очень низкими, иногда ниже диванов, так как предназначались только для еды, а есть было принято лежа. Ели руками, без скатертей, салфеток, ножей и вилок, заменяя ложки выеденной краюшкой, вытирая руки о хлебный мякиш. Шкафов, как и на Востоке, у греков не было, вместо них использовались раскрашенные ларцы и сундучки, которые вырезали из кости или отливали из металла.

Металлические художественные изделия использовали в военном деле при обработке щитов, панцирей и мечей. Беотийские, коринфские, аттические шлемы с гребнями и без гребней, с подвижными забралами видоизменялись на тысячу ладов. Мечи, похожие на наши тесаки и охотничьи кинжалы, отличались строгой отделкой. Гораздо проще выглядели луки и копья (рис. 145, 147).

Рис. 151. Античная эллинская ваза

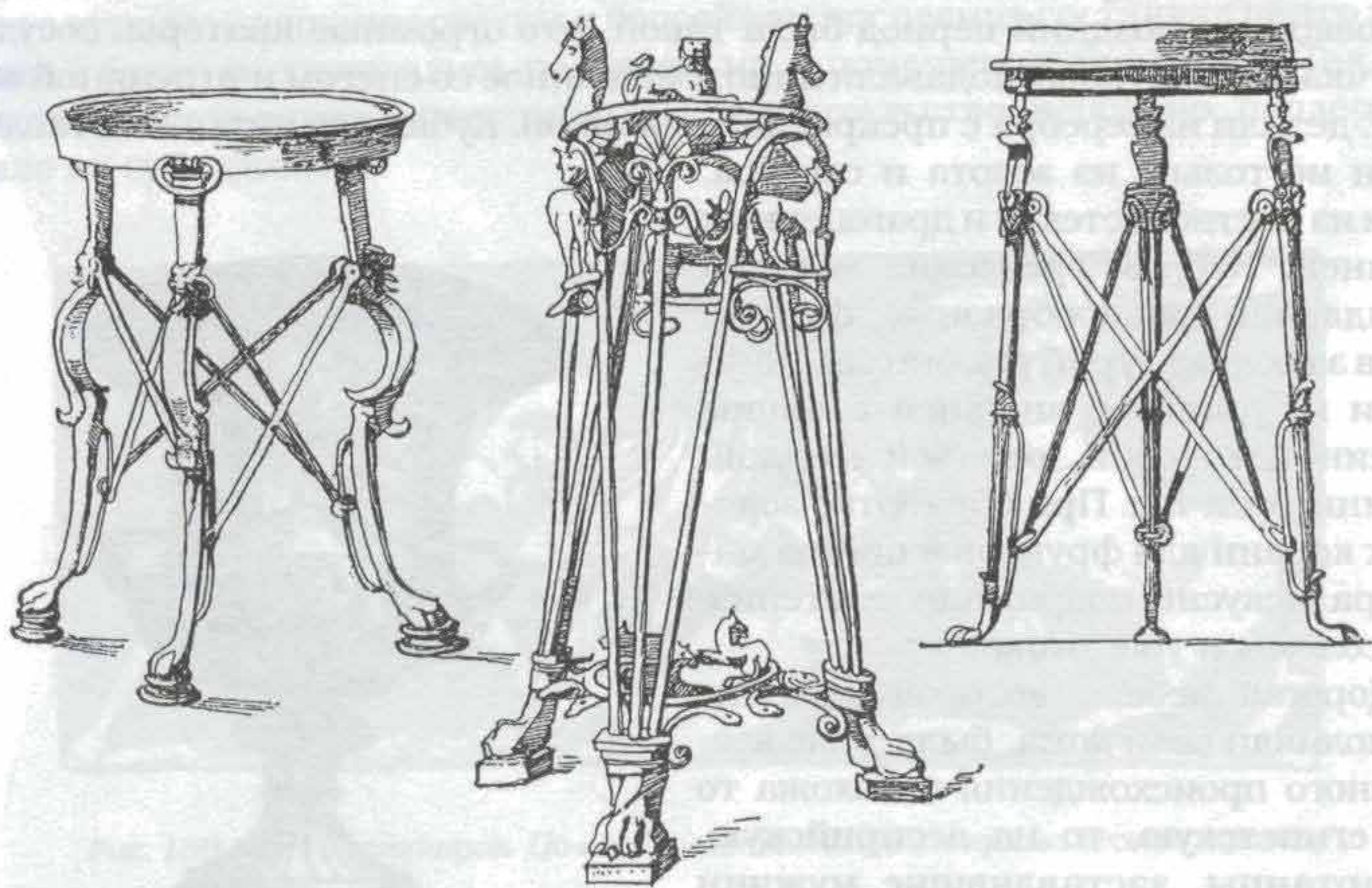

Рис. 152. Греко-римские треножки

* * *

Искусство Эллады вечно, оно является достоянием всех наций. Положив на столб балку, греки образовали колоннаду, которая стала сущностью их архитектурного типа. Римляне приделали к колоннаде арку; германцы — стрельчатые верхушки. Получились превосходные постройки, но все они не лишены претензии. Чистота, истинно художественная девственность мотива впоследствии уступили место грандиозной фантазии, желанию подействовать на воображение, удивить размером или мастерством металлических кружев, охвативших здание со всех сторон. Когда чистое мирозерцание греков изменилось, изменилось и искусство.

История Древней Греции всегда привлекала к себе внимание ученых. Особенно интересными были результаты раскопок древней Трои, которые провел Шлиман, затративший на это все свое состояние и существенно расширивший наши представления об эллинском искусстве.

Греки боялись уродливых форм в изображениях. Если Гомер не постеснялся изобразить Терсита и не пожалел на него красок, если мифология представляет уродливые образы Гарпий, то скульптура всегда старалась быть на высоте своего призвания и не решалась давать подобные изображения. В то же время греки выводили на сцену актеров в уродливых масках и с уродливыми атрибутами.

Эллада была святым, чистым гимном искусству; Рим стал могучим металлическим отзвуком Эллады, лишенным чистоты и строгости. Сам характер грека не мог породить такие натуры, как Нерон или Гелиогабал. Греческое искусство воплотило образ Одиссея, поэтичную, строгую фигуру его жены, славного Перикла, блестящую Аспазию, закаленного мудростью Солона, таких писателей, как Софокл и Еврипид (рис. 130). Нельзя сказать, чтобы умственный строй эллина был глубоким, но он тонок, художествен. Его девиз — искусство для искусства. Шутливый, легкий и мудрый взгляд на жизнь заставил греков вечно играть и жизнью, и религией, и политикой, и философией. Недаром египетский жрец сказал Солону: «О, греки, греки, — вы настоящие дети!..»

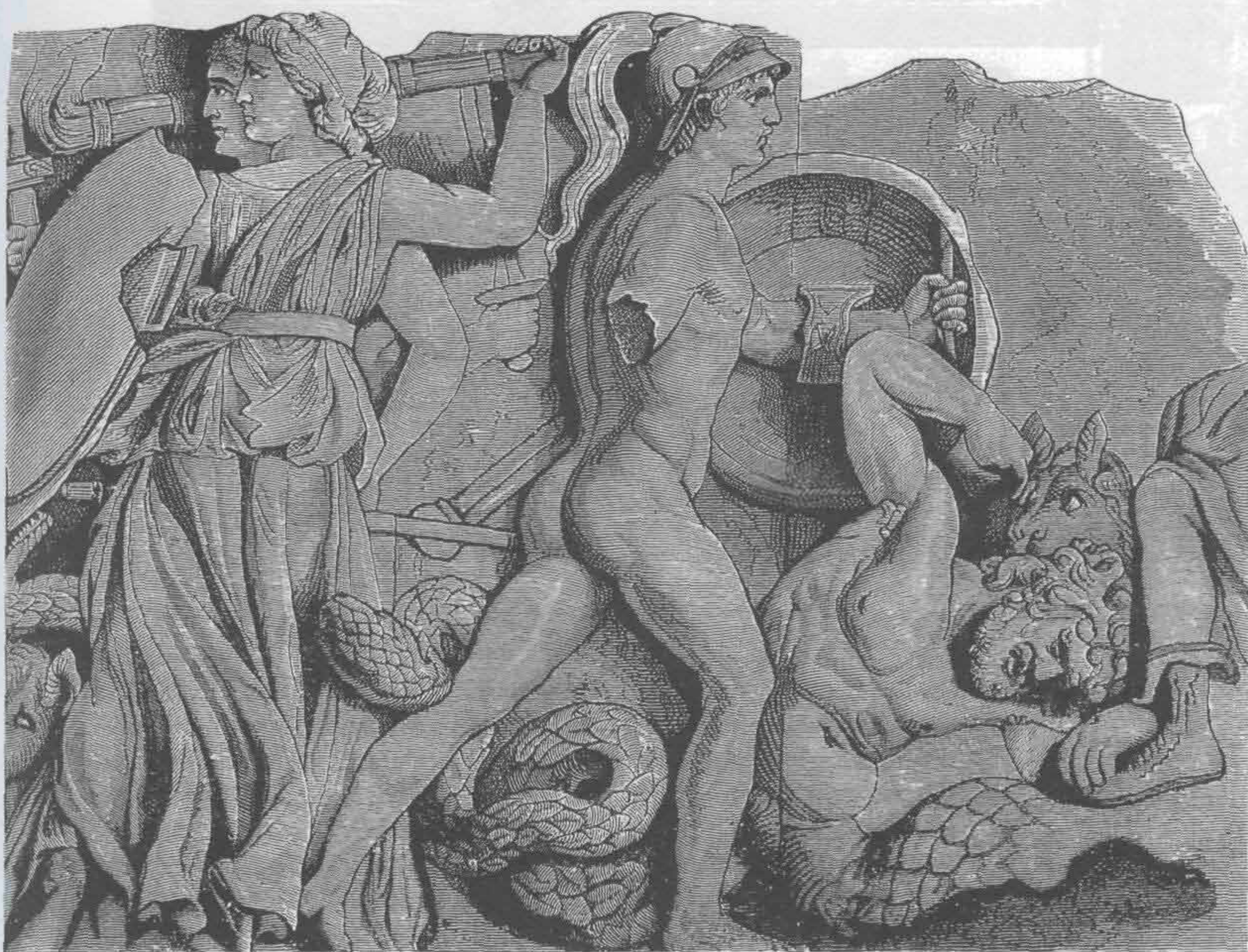

Рис. 153. Битва богов с титанами. По пергамским горельефам